

Ты ведь не шутил насчет того, что Цзинь не умеет быть человеком. Все, что он делал, было ужасно неловко или прямо-таки странно.

Когда он подошел к столу в глубине зала, то очень долго смотрел на свитки. Затем он начал плакать, но только для того, чтобы удивить самого себя своими собственными слезами. Когда он дотронулся до своего лица и обнаружил там воду, то пришел к ним в панике.

Е, естественно, нашел это забавным, поэтому Мэй Хуа пришлось терпеливо объяснять вместо этого. Когда он услышал, что печаль может заставить человека плакать, он кивнул, как будто это было очень глубокое и значимое открытие.

Работая над брюками и рубашкой, она пыталась научить его произносить их имена.

Технически имя Е было самым коротким и простым, но Цзинь даже не пытался произнести его вслух. Она предположила, что он все еще расстроен из-за предыдущего спора. Его собственное имя вызывало у него двойственные чувства, но имя Мэй Хуа было для него навязчивой идеей. Он заставлял ее повторять свое имя снова и снова, до такой степени, что она начинала ненавидеть его, чтобы он мог наблюдать за движением ее губ.

- Мэймэй. - Наконец сказал он и взволнованно посмотрел на нее.

- Э-э, ну да, нет... Это... друзья и родственники зовут меня так, чтобы ты...

- Мэймэй! - Повторил он, глядя на нее сияющими глазами.

Видя, что он выглядит таким счастливым, она опустила плечи, признавая свое поражение.

- ... Думаю, это не имеет особого значения, так что... - она похлопала его по плечу. - «Отличная работа, Цзинь. Хорошая работа».

Он сидел очень близко к ней, так что было легко похлопать его по плечу. Помимо всех прочих своих проблем, он не имел никакого чувства личного пространства.

Она пыталась заставить его отойти на некоторое расстояние, так как он все еще был технически полуобнажен, ведя его к месту и заставляя сидеть там, а затем она шла в другое место и продолжала то, что делала. Он скулил, буквально как собака, а потом неуклюже подползал к ней и садился так близко, что их тела соприкасались.

Это мешало ей в шитье, поэтому после нескольких повторений такого поведения она прочитала ему небольшую лекцию о людях, которым нужно достаточно места, чтобы сделать работу. Он слушал очень внимательно, а потом кивнул. Он отодвинулся, так что только одна часть его тела касалась ее. Прямо сейчас он лежал рядом, так что это была его рука. Раньше это была нога.

Этот парень был таким странным!

Как только она закончила со своей очень простой рубашкой ханфу и брюками, она поняла, что ей придется помочь ему надеть ее. Учítывая, как это было трудно для тебя, а брюки были более сложными, она сомневалась, что все пойдет хорошо.

Убедившись, что юбка все еще на нем, она велела ему засунуть по ноге в каждую штанину и подтянуть ее. Заставив его придержать подтянутые брюки, она сняла с него юбку. Затем она

научила его завязывать брюки. Тогда как же их развязать? Она проделала это несколько раз, а потом заставила его сделать это еще несколько раз. Как только она убедилась, что он понял суть дела, она перешла к рубашке.

Рубашка ханфу была очень простым коротким халатом, с двумя завязками сбоку на талии. Она заставила его снять ее, потом завязать и развязать, как в случае со штанами. После того, как он смог плавно снять все это и снова надеть, она смогла вздохнуть.

Это были всего лишь рубашка и брюки, но как утомительно! Это было еще более утомительно, чем иметь дело с ребенком!

Она пропустила завтрак, чтобы поспешить сделать одежду, и она была голодна. Используя то, что уже было на складе в банках, в паре с ее знанием кулинарии из города, она смогла сделать что-то с относительной легкостью. Цзинь, естественно, следовал за ней и следил за всем, что она делала.

Когда еда начала готовиться, он начал принюхиваться и пускать слюни. Да, буквально слюнки текут. Очевидно, она была не единственной, кто был голоден.

Слишком усталая и голодная, чтобы обращать на это внимание, она позволила ему пускать слюни. Из всех проблем, которые она испытывала с ним сегодня, это была самая незначительная проблема, которую он сделал. Когда еда была готова - суп на основе риса и трав с овощами - она налила его в миску.

К ее удивлению, Цзинь бросился к ней, схватил миску и попытался съесть ее.

Когда она была очень горячей.

Он уронил миску, горячий суп разлетелся во все стороны, и издал ужасный вопль боли. После нескольких минут хаоса Е удалось успокоить его, пока Мэй Хуа убирала беспорядок.

Поначалу она просто очень злилась на него, ее голод укорачивал ее характер. Но когда она увидела его обожженный рот и челюсть, а по щекам катились крупные слезы, жалость сменила гнев.

Нежно держа его за подбородок, она протянула свою собственную Ци в его, осторожно циркулируя ее. Сосредоточившись на тех местах, которые он сжег, она использовала свою Ци, чтобы охладить внутренний и внешний ожог и ускорить заживление. Через несколько минут серьезный ожог превратился в незначительный. Это все еще было больно, но уже не так сильно.

Когда она закончила, Цзинь положил большую руку ей на голову и тихо, искренне поблагодарил: «Мэймэй».

Она усмехнулась. - «Не за что». - А потом она легонько постучала его костяшками пальцев по голове. - «Тебе нужно научиться терпению. Суп горячий, когда он выходит из кастрюли, ты должен дать ему посидеть и остыть. Вся горячая еда такая. И если ты не хочешь навредить себе в будущем, не торопитесь с этим. Моя способность исцелять в лучшем случае незначительна. Действительно серьезная травма, которую я не могу исправить, понимаешь?»

Он покаянно опустил глаза. Боль действительно была лучшим учителем. После этого Цзинь стал гораздо осторожнее относиться к вещам.

Мэй Хуа и Е провели остаток дня, пытаясь научить Цзинь основам жизни. Когда он смог подняться и опуститься, не поднимая свою задницу в воздух, Мэй Хуа испытала настоящее чувство выполненного долга. (Вы были разочарованы.)

Когда наступила ночь, Мэй Хуа уже была готова ко сну. К ее большому облегчению, магия пещеры путешественника приняла Цзинь во внимание. В стене была вырезана еще одна кровать, достаточно большая, чтобы он мог спать на ней.

Проблема была в том, что он не хотел спать в ней. Когда она забралась в свою постель, он попытался последовать за ней. Не имея ничего из этого, она заставила его лечь в постель, явно предназначенную для него, и строго приказала ему не двигаться. Затем она легла в свою собственную постель, готовая заснуть.

- Мэймэй.

- Почему бы ему просто не заснуть? - простонала она??

- Мэймэй? Чья-то рука схватила ее за плечо и потрясла.

Раздраженная, она села и сердито посмотрела на него.

- Ну и что же?!

- Мэймэй... - он уже начал прокрадываться в твою постель.

- Я же сказала - нет! - Она воспользовалась рычагом стены и оттолкнула его ногами. Толчок был таким сильным, что он споткнулся и с глухим стуком приземлился.

- Мэймэй! - Он вскрикнул, а потом всхлипнул, очевидно, достаточно расстроенный, чтобы заплакать.

- Не думай, что слезы тебе помогут. Я же сказал тебе "нет", и это правда. У тебя есть свое собственное место для сна, так что используй его. - Она слишком устала, чтобы сейчас думать о том, чего он хочет. Она завернулась в одеяло и снова легла, закрыв глаза.

Е, который был свидетелем всего этого, злобно ухмыльнулся Цзинь. Он помахал маленькой ручкой мужчине, самодовольный тем, что тот может спать с Мэй Хуа, а другой-нет.

Цзинь стиснул зубы от злости, оскорбленный тем, что Мэймэй позволила Е спать с ней, но не с ним. Сердито пыхтя и отдуваясь, он забрался в постель, чувствуя горечь.

<http://tl.rulate.ru/book/35767/791100>